

Г.А. Бондарев

Так как же всё-таки правильно: дойчи или немцы?

С теми, кто пожелает посещать этот сайт, мы должны с самого начала условиться об употреблении одного слова, названия, имени. Мы имеем в виду то, как в русском языке называют жителей Средней Европы. Русские называют их немцами, они же себя называют дойчами. Свою страну они называют не Германией, а Дойч-ландией, т.е. землёй (страной) дойчей. Далее, страну финнов они называют Фин-ляндией, что вслед за ними делаем мы, а Россию называют Рус-ландией, т.е. землёй руссов, и т.д. (тире мы, естественно, даём для пояснения).

Мы, русские, со своей стороны, также в названиях стран исходим из имён населяющих их народов: Франция – (страна франков, по-современному – французов), Англия (страна англов), Япония (страна японцев) и т.д. Но вот что странно: когда дело доходит до жителей Средней Европы, то логика нашего языка делает сбой. Мы не называем её «Немией». От украинцев, правда, можно порой услышать: «нэмэтчына», – но произносится это с оттенком пренебрежения, даже тоном как бы некоего осуждения; т.е. понятие это, так сказать, не государственное.

В чём же тут дело? На этот вопрос существует два ответа. Один уходит в глубины этнографии, в эпоху великого переселения народов, другой коренится в ментальности русского средневекового человека. За первым ответом мы обратимся к Рудольфу Штайнеру, поскольку у этого вопроса имеется эзотерическая сторона. У Рудольфа Штайнера мы находим пространные сообщения о том, как население древней Атлантиды, когда начала разражаться катастрофа, потянулось с запада на восток, как часть его осела на территории, простирающейся от Урала до озера Байкал, и пребывала там, не участвуя в развитии культур, двигавшихся от древней Индии, через Персию и Египет в Европу. Примерно во 2 – 3 в. до Р.Х. эти массы населения пришли в движение и поток переселенцев с востока начал заселять Европу и европейскую часть России. Это были так называемые германские племена. Они достигли середины Европы, и там образовалась из этих племён довольно сложная мешанина. В ней, в силу культурно-исторических задач нового развития, проявились уже ранее заложенные в эти племена духовными иерархическими существами внутренние различия, противоречия. По этой причине племена в той «мешанине» вместе сосуществовать не могли. И большая их часть двинулась оттуда дальше. Все эти передвижения происходили, естественно, под водительством иерархических существ: Ангелов, Архангелов и даже Духов Личности. У каждого из тех племён было вполне определённое духовно-историческое предназначение, и в соответствии с этим и произошло их дальнейшее расселение.

Исход племён из середины Европы совершился лучеобразно. Один их поток ушел на юг, где он смешался с жившими на тех территориях латинянами, и со временем там выкристаллизовался, как его характеризует Рудольф Штайнер, церковно-папско-иерархический принцип государственной жизни; этим же принципом был обусловлен и характер латинской культуры. Другой луч ушёл на запад. В нём латинское начало также приобрело значительную роль, правда меньшую, чем на юге. Там получил своё развитие дипломатически-политический принцип. Третий поток ушёл на Британские острова, на северо-запад, и там в нём проявился меркантилистский принцип.

«В середине (т.е. в Средней Европе) осталось то, – говорит в одной из лекций Рудольф Штайнер, – что в наибольшей мере сохранило текучий характер, текучее развитие...» (ИПН 174, S.236), осталось сохранившееся в веках более пластичным, неопределённым. Это

отразилось даже в языке, подвергшемся в эпоху интеллектуализма меньшему, чем другие европейские языки, окостенению.

В середине Европы осталось то, что не развивало в себе специально ни одного из трёх вышеназванных кастовых принципов, дифференцировавшихся из европейской «пра-мешанины» племён в трёх изошедших из центра потоках; осталось то, что «хотело лишь человеческого, хотело быть лишь народом. И назвало оно себя «Diet», т.е. «народ», только народ. Из этого слова произошло и слово «Deutsch»»(из лекции, прочитанной зимой 1916 – 17г. См. также ИПН 174, S.244).

Рудольф Штайнер говорит далее: «Уже с давних пор стало обыкновением, что народ, являющийся представителем этой пра-мешанины, называл себя *дойчским народом*. Народы Запада [и северо-запада] отомстили этому народу уже тем, что не захотели называть его тем именем, каким он назвал себя сам и которое проистекает из глубокого инстинкта. Их [дойчей] стали называть тевтонами, алеманами, германцами – как угодно, но только ... не дойчами, тогда как *именно это обозначение глубоко связано с сущностью этого народа*» (ИПН 174, S.236). Истоки, характер этого желания родственных этносов «отомстить» дойчам мы в нашей короткой статье рассматривать не можем. Скажем только, что это носит объективный всемирно-исторический характер и обусловлено сложным становлением индивидуальности 5-й культурной эпохи, эпохи обострённого самосознания, возникающего на базе постоянно углубляющегося эгоцентризма, что проявляется как в индивидуальном, так и в групповом, национальном эгоизме. Но в эволюционно обусловленных противостояниях народов не заложено неизбежности войн между ними, а только определённая культурная, духовная, социальная, экономическая поляризация как источник более высокого синтеза.

Итак, имя народа выражает его сущность, а сущность его связана, как мы знаем, с Духом или с Душой народа, с *ведущим его Архангелом*. И не считаться с этим как для самого народа, так для отношений между народами крайне нежелательно, ибо в таком случае возрастает сила тёмных двойников Духов народов, что неизбежно порождает национализм и ведёт к войнам. Знание же о высоком иерархическом водительство народов, напротив, ведёт к их взаимной симпатии, дружбе, взаимопомощи.

Ещё важно иметь в виду, что подобно тому, как в мире мыслей живут Архаи, так в элементе речи, в мире речи живут *ведущие Духи народов*; «они изживают себя в элементе речи»(ИПН 208, лекция от 22.10.1921). Люди чувствуют это, даже не зная об Архангелах-Водителях, и это повсюду выражается в бережном отношении к национальному языку, к убеждённости в том, что с языком неразрывно связана самоидентичность народа. Язык, любой язык, необыкновенно духовен. И то, что воплощается в звучащем слове, сохраняет, вернее сказать приводит к откровению, эту духовность. Поэтому не называть народ тем именем, которое *он почерпнул из инспирации своего Духа-Водителя*, означает в той или иной мере *отрицать* его сущность и, да, – его существование.

Впечатляющий пример того, как возникают названия народов, Рудольф Штайнер даёт, объясняя, как произошло имя «русские». Тут всё начинается в глубокой предыстории становления европейского этноса, в котором пришли в соприкосновение три расы в лице финского, русского народов и норманнов. У финнов, как это показывает Рудольф Штайнер, ещё на той, предысторической стадии развития возникло инстинктивное, природное переживание трехчленной души: ощущающей, рассудочной и сознательной, – переживание ее архетипов. На это переживание трёхчленности погашающим её образом действовало то, что шло с норманнами с севера и было их инстинктивным переживанием

не дифференцированной, а единой души. По своей сути это единство является таким, что к нему стремится трёхчленная душа по мере оживания в ней Я, но на той примитивной ступени оно действовало погашающее на трёхчленную душу. Финнами это ощущалось как катящееся «р-р-р».

Чтобы понять, что это было за переживание, необходимо привлечь в наше рассмотрение знание о сверхчувственной природе звучащей буквы, о её зодиакальном и планетарном происхождении, чем занимается антропософское искусство эвритмии и рецитации. Эту обширную тему мы, естественно, здесь также опускаем, вернее сказать, коснёмся её лишь на одном примере. Вот что говорит Рудольф Штайнер о духовных особенностях языка дойчей: «Мистическим посланничеством Средней Европы дан определённый язык, в котором каждый отдельный звук (звучащая буква) и порядок их следования выражают нечто оккультное. Например, в изречении (это часть медитации) «Es denkt mich» (Оно мыслит меня) «Е», растянутое, выражает господствующее, ткущее, творящее Божественное в строе мира и в человеке. «S», протяжное, тягучее, извиваясь, проходит сквозь всё, идя волнами, как бы астрально» (из лекции, прочит. в февр. 1913г; не опубли.), и т.д. То есть в звучащей речи человека созвучит духовный космос, Мироздание.

Но вернёмся к происхождению имени «русские». Итак, то текущее, затопляющее, проникающее в душу, погашающее троичность финны переживали как катящееся «р», и, как разъясняет далее Рудольф Штайнер, « это ощущали как нечто...(такое) что на оккультном языке наилучшим образом выражается в звуке «уу», так что хочется сказать: оно приближается, нужно испытывать страх, оно дышит в «рруу» и утверждается в том, что всегда переживается через «тао», «т», когда оно проникает в человеческую душу. Как проникновение в человеческую душу древнего Иеговы выражается через «с», через еврейское «Shin», так и вообще это проникновение в душу выражается звуком «с». Всё это связано с тем, что проникает в душу и утверждается в душе, всё это теснится, стремится к «и». ... И потому [финский народ] ... называл народы, стремящиеся [с севера] вниз [т.е. германские племена, норманнов]... Rutsi, Ruotsi. И это название постепенно восприняли славяне; поскольку они соединились с тем, что теснилось сверху вниз [т.е. с севера на юг] и что финны так называли, они [славяне] сами назвали себя Rutsi, что позже стало именем «русские»» (ИПН 158, 9.11.1914). Таким образом, наше народное имя есть плод совместного творчества нескольких Духов народов с земными народами.

Тут можно отметить ещё одну особенность, обусловившую взятие восточными славянами себе такого имени. Рудольф Штайнер говорит, что сила, инспирировавшая в людях переживание единой души, проходила географически тем путём, каким норманны ходили из «варяг в греки», только в обратном направлении – с юга на север. В славян эта сила единой души шла из Византии, что помогло им принять Христианство. Норманны в своих военных походах сливались с этим потоком сил, уже неся в себе врождённую предрасположенность к её переживанию. В целом же, несомненно, именно отношение к единой душе, которая, словно гигантский ствол, духовно прорастала через территории европейской части будущей России, исходя из Византии и достигая Балтийского моря, и обусловило воцарение норманнских князей – «руотси» – на Руси и их последующий симбиоз со славянскими племенами. Потому всё это в целом и стало называть себя рутси, руотси. И оно, как и англо-саксы, франки, латиняне, начало постепенно проявлять себя как оппозиция Средней Европе.

По мере приближения к новым временам эта эволюционная по своему характеру оппозиция стала превращаться в политическую конфронтацию, в национальную антипатию, чего с точки зрения задач развития ни в коем случае не должно происходить, поскольку

России для исполнения её задачи в 6-й культурной эпохе необходимо уже теперь оплодотворять себя духовной культурой Средней Европы, заимствуя у неё гётеанизм в его антропософской форме, культуру логического мышления и др. Эту антипатию не нужно доказывать. Достаточно обратиться к той германофобии (вернее сказать, «немцефобии»), которой полны сочинения наших великих классиков. Тут и Лев Толстой, и Достоевский, и Лесков... даже сам царь – Александр III, был германофобом-практиком. Он основательно осложнил российско-германские отношения и это, как наследство, оставил своему сыну – Николаю II. Что из этого произошло в дальнейшем для России – широко известно.

Нет оснований сомневаться в том, что в значительной мере наша «немцефобия» помогла нам ввязаться в первую Мировую войну, из которой, как мы знаем, проистекли всё наши дальнейшие несчастья, длящиеся по сей день и конца которым пока не видно. Пренебрежительное обращение людей с реальной духовностью всегда оборачивается большими трагедиями.

Имеется у русских, несомненно, и большая симпатия к «немцам». Особенно ярко это проявилось с началом перестройки, когда гигантские очереди окружили дойчское посольство в Москве, желая получить визу на въезд в Германию. Даже перед американским посольством народу было меньше, не говоря уж об английском или французском. Однако и одной симпатии теперь, в эпоху великих манипуляций с сознанием народов, уже мало. Теперь необходимо понимание и созидание в симпатии исходя из понимания.

Теперь попробуем рассмотреть, с другой стороны, вопрос: почему среднеевропейцы получили от русских такое странное наименование. Дело тут в основном сводится к обыденному, к тривиальному.

Французы называют дойчей алеманами (это примерно означает «вселюди»). Это неверно, поскольку алеманами было всего лишь одно племя германцев. Подобное случилось бы с нами, если бы кому-то пришло в голову называть всех русских полянами или древлянами. Англичане называют дойчей германцами. Это тоже неверно, ибо германцы – это раса; сами англичане являются германцами. В случае нас это всё-равно что называть нас славянами, а Россию – Славянией. В то же время, если и то и другое неверно, то оно всё-таки остаётся в пределах, скажем, *приемлемого*, которое может быть и односторонним. Но название «немцы» – это просто кличка. Такие клички часто возникают между соседствующими народами. В них выражается простая, бытовая, но всё же антипатия. Так украинцы прозвали жителей Московского царства кацапами, т.е. имеющими бороду как у козла. Москвичи в ответ прозвали украинцев хохлами, т.е. людьми с причёской в виде хохла. Тут, вероятно, сыграл свою роль и казацкий «осэлэдэць». В этих кличках выразилась попытка охарактеризовать соседей по существу той или иной неприятной черты их характера: склонности к мелкому коварству или к настырному упорству и т.п. Представим себе, что такие клички закрепились бы в государственном языке. Тогда мы имели бы «кацапскую культуру», страну «хохловию» и т.д. К счастью, с нами такого не произошло, но в нашем отношении к населению Средней Европы произошло *именно это*. И произошло вот по какой причине.

Когда русские начали соприкасаться с другими народами, то в простом народном сознании в силу непонимания их языков, а также в силу затянувшегося господства родового института, чрезмерного действия кровно-родственных отношений, замедливших выкристаллизовывание личности из группового сознания, по причине несомненного, отставания от культурного развития западного типа, несшего с собой эмансипацию личности, *все* эти другие народы стали у нас называть «немцами», произведя это название

от слова «немые». – Все, кого я не понимаю, – они для меня всё-равно что немые. К этому прибегли легко, поскольку всё, что выходило за пределы рода, было тёмным и непонятным. Существовало ещё даже такое название всех иностранцев: «темняки».

Без определённой эмоциональной нагрузки такие прозвища, конечно, существовать не могли. Тот, кто меня не понимает, неважно по какой причине, тот темный, словно немой, и он потому не может быть умнее меня. – Но почему всё же? Да потому, что ведь это он приехал ко мне, а не я к нему; а раз приехал, то чего же он не понимает! Я ему по-русски раз и другой объяснил, а он только мычит и лопочет что-то в ответ! Ну, право, как немой! – Ведь такое можно было услышать ещё и в 19-м веке. (Ну и, конечно, в этом нужно признаться, «немцы» не нравились и продолжают не нравиться русским за их неспособность быть хоть в чём-то «братьями Карамазовыми».)

Но, разумеется, не одна только простота, народное легкомыслие стали главной причиной того, что в нашем языке за дойчами закрепилось название «немцы». Ведь были когда-то «немцами» и шведы, и голландцы, да все, кто как-либо оказывался в Московском царстве, однако все они со временем получили свои подлинные имена: англичане, французы, шведы и т.д. А вот дойчи остались «немцами», несмотря на то, что образованность у русских поднялась, появились переводчики, развились более широкие международные отношения. Тут, несомненно, хотя и подсознательно, сыграло свою роль то противостояние Средней Европе всего её окружения.

Но поняв и осознав всё это, мы уже не можем оставаться со старым, а особенно в случае духовно-научного познания, где речь постоянно идёт о *духовных реальностях*, о реальных духовных существах, коренящихся в национальном, языковом, в культурно-историческом элементе народов. Считать в этом случае, что народы можно называть как угодно, просто придумывать им названия и даже клички, означает искажать духовную реальность их существования, стремиться не к пониманию, а к конфронтации.

В лекции, которую мы уже цитировали (февр. 1913), Рудольф Штайнер ещё говорит: «В 1889г. Рихард, граф Пфайль писал в одном письме... о растущем недоверии к Дойчландии, что царь (русский) – чрезвычайно подверженный влиянию человек, а при дворе имеются очень влиятельные личности, которые пользуются своей властью, чтобы царя направлять в желательное для них русло. Оккультист должен знать, что это означает. Чтобы манипулировать человеком, необходимо определённым образом формировать предложения, употреблять некоторые обороты. *Через произнесение некоторых слов можно колоссально влиять на своих ближних, если только знаешь подобные вещи*». Называя дойчей «немцами», мы занимаемся суггестированием самих себя. Это в основном молчит в нас, но лишь до той поры, пока кому-то не понадобится подогреть в нас национализм, германофобию. Тогда мы тут же начинаем рваться в бой, как это красноречиво выразилось в настроении россиян, когда в 1914г. всеми нелюбимый царь подписал приказ о всеобщей мобилизации. Можно не сомневаться, что если бы тогда речь шла о войне, скажем, с Англией или с Америкой, тот энтузиазм был бы в несколько раз меньше.

Тут можно ещё провести над собой такой опыт. Попробуйте однажды произнести для себя вслух слово англичанин, и затем некоторое время вслушивайтесь в своё переживание этого. Потом таким же образом поступите со словом испанец, потом – американец. А затем произнесите и переживите слово немец и, наконец, – дойч, и тогда то, о чём у нас идёт речь, вам доказывать будет не нужно.

Каких-либо реформ в области правил перевода с дойчского языка на русский, хотя их просто диктует рост самосознания русской интеллигенции, гигантски возросшая сфера общения России со Средней Европой и многое другое, мы от Академии наук в текущем тысячелетии, конечно, не дождёмся. Поэтому остаётся хотя бы в сфере Антропософии, её познания на русском языке такую реформу позволить себе в частном порядке.

Её необходимо распространить также и на перевод некоторых дифтонгов. В первую очередь, это касается дифтонга «ei», который в дойчском языке признаётся как «ай», а на русский переводится как «ей». По какой причине это было так установлено – мы не знаем. Некоторые разъяснения мы, правда, читали, но они выглядят не убедительно. Однако правило есть правило, и следовать ему в переводах считается признаком образованности. Следовали ему и обучаясь разговорному языку. И вот что при этом возникало. Когда русские в конце 19 – начале 20 века стали широко изучать дойчский по самоучителям и после того посещать Германию, то их там, к немалому их удивлению, очень плохо понимали. Возвращаясь в Россию, они с недоумением писали об этом. Однако этого следовало ожидать. Ибо в тех самоучителях (в общем-то очень неплохих с точки зрения их способности научить языку) прямо говорилось, что дифтонг «ei» следует произносить как «ей», что это якобы соответствует фонетике дойчского (естественно, «немецкого») языка. К тому же существовало правило букву h во многих случаях произносить как г и др. И вот тогда получалось, что русский турист приезжал, скажем, в Базель и спрашивал базельцев: а где у вас тут ходит трамвай «дрей»? (Т.е. «драй» по-дойчски.) Или: а как мне проехать в Арлесгейм? (Т.е. Арлесхайм по-дойчски.) Его, конечно, не понимали. Или представим себе солдат на плацу, с которыми дойчский офицер занимается строевой подготовкой и командует им: Ейн – цвей – дрей! Ейн – цвей – дрей! Это уже пародия. Ибо в действительности это звучит так: айн – цвай – драй, т.е. чётко, ритмично, убедительно и как-то даже разумно, хотя произносится всего три цифры.

Возьмём ещё для примера имена собственные, например имя Эйнштейн. В дойчском языке оно произносится так: Айнштайн. В русском же мы имеем ни «а», ни «е», а «э», хотя тут стоят дифтонги «ei», которые дойчами произносятся как «ай». Ну ладно, в начале слова это ещё как-то можно объяснить. А в середине? Ведь если в нашем языке в середине слова после согласной стоит e, то мы признаём его именно как e, а не как э. Ведь мы же не говорим «Тургэнев» вместо Тургенев, «Лэвитан» вместо Левитан. Так в чём же тут дело? Правило есть, а мы ему не подчиняемся. А дело тут как раз в том, что принятый у нас перевод дифтонга «ei» противоречит глубинным законам речи и речь сама сопротивляется такому её искажению.

Подумаем также и о благозвучии слов. Свобода по-дойчски звучит как Фрайхайт, а по-русски как фрейхейт. И это «е» нужно не заменять интеллигентским «э», а произносить как в слове «тело». А тогда разве это не пародия?

В среде русских антропософов давно идёт спор о том, как следует писать и произносить имя Steiner: Штайнер или Штейнер («е», напомним, если не лукавить, нужно произносить как в слове «тело»)? В этом споре выразилось даже нечто мировоззренческое. Он поляризовал людей более консервативного и более либерального образа мыслей. Ведь консерваторы – они всегда и во всём за традицию, словно она раз и навсегда приходит с неба, а либералы – за обновление, они теперь охотно произносят «ай» вместо «ей», особенно после того, как посетят Дойчландию.

Мы понимаем, что существуют определённые, так сказать, филологические тонкости и вовсе не собираемся восставать против них. Однако ничто не должно становиться просто догмой. Ведь если не думая следовать за этими «филологическими тонкостями», то, мы

уверены, можно, например, апеллируя к *латинской первооснове* французского языка, заставить русских полностью приносить определённые сложные сочетания букв во французских словах, таких как, скажем, «рено». Пишется это так: «Renault». Однако попробуйте во Франции спросить об автомобиле «Ренаульт» – так сбежится народ, чтобы посмотреть на редкое явление. А когда дойчи осознают, что мы их называем «немцами», то они в недоумении пожимают плечами или просто смеются.

Неразрешённой проблемой остаётся и перевод на русский дойчского «h». Дело в том, что в строгом смысле слова русскому *х* соответствует дойчское *ch*. А *h* – оно приносится с тонким придыханием и на своём пути в Россию на Украине стало украинским «г», которое в русской фонетике эквивалента не имеет; оно стало у нас просто русским *г*. Однако в дойчском языке тоже есть *g*, точно соответствующее нашему *г*. В результате этого мы вместо Хегеля имеем Гегеля, вместо Хамбурга – Гамбург и т.д. А ведь несмотря на тонкое придыхание *h* всё-таки значительно ближе по звучанию к *х*, чем к *г*. И наконец, ведь существует всё-таки и *g-g*.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что существует целый ряд уже устоявшихся, привычных, переведённых с дойчского слов. Менять это уже невозможно, да и не нужно. Хегель уже навсегда останется для нас Гегелем, Ляйпциг – Лейпцигом, Ваймар – Веймаром и т.д. Однако существуют вещи принципиальные, передающие правильно или искажающие суть народного, национального, международного, относящиеся к духовной сути языков и народов. И в таких случаях как произнесение слов, так и перевод их на русский язык необходимо приводить в соответствие с их глубокой *спиритуальной* сущностью. И прежде всего это следует делать в Антропософии, преодолевая косность, привычки, застоявшийся консерватизм и углубляясь в понимание реальной духовной сущности языка.